

Светлана Сирнева



ЦИКОРИЙ

ПРОПИСИ

Д. П. Ильину

Помню, осень стоит неминучая,
восемь лет мне, и за руку – мама:
«Наша Родина – самая лучшая
и богатая самая».

В пеших далях – деревья корявые,
дождь то в щёку, то в спину.
И в мои сапожонки дырявые
заливается глина.

Образ детства навеки –
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помете.

Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
наша Родина – самая светлая».

Нас возьмёт грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.

И споёт во все хилые рёбра
октябрьский мой класс бритолобой:
«Наша Родина самая вольная,
наша Родина – самая добрая».

Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?

Скажут: обворовала
безрассудная вера!

Ты горька, как осина,
но превыше и лести, и срама –
моя Родина, самая сильная
и богатая самая.

ЦИКОРИЙ

Уже появляется в летнем узоре
цветок неудобиц, канав придорожных –
цветок узловатый и горький – цикорий,
цветущий, как небо
в решётках острожных.

Ни с ветром не споря,
ни с ливнем не споря,
таится под мягким листом земляника.
Но поверх полян голубеет цикорий,
когда пред грозой природа поникла.

Холодные вёрсты, дождливые зори.
Сорвёшься с обрыва
на глинистом склоне –
и тонкую руку протянет цикорий,
звездой голубою уткнувшись в ладони.

Быть может, достоин он участи лучшей,
но русской земли это навек услада –
на стебле из проволоки колючей
расцвеств лепестками
небесного склада.



А вам бы в букет это синее море,
что душу задаром ласкает и нежит!
Но вцепится в землю упрямый цикорий
и жилистой плетью ладони обрежет.

* * *

Оседала студёная ночь
серебром на бегущих конях.
Это слёзы застыли в глазах,
это я пролетаю в санях.

Ненадолго нам детство дано,
нет свободы, есть счастье одно:
с этой зимней дороги свернуть –
или сгинуть в снегах – всё равно!

Всё мне чудится беглый мотив
несворотной дороги земной.
И созвездья, на небе застыв,
судьбоносно висят надо мной.

Белый пар отстаёт, словно дым,
не задевши алмазную высь.
О, как чудно, как весело им,
как они с моей жизнью срослись!

Так беспечно я верить могла,
что не будет ни боли, ни зла,
и дорога моя пролегла
в дальний дом, где достанет тепла.

И скрипели ступени крыльца,
и визжала высокая дверь.
Этой жизни не будет конца,
а другая – бессильна теперь.

Всё познавшее сердце! Молчи,
оглянувшись далеко назад.
Я заснула. Я сплю на печи.
И созвездья меня сторожат.

* * *

В. П. Смирнову

По дороге плетётся машина,
перелесок раздет и разут.
А в машине – замёрзшая глина:
и куда эти комья везут?

А на комьях сидит мужичонка –
видно, грузчик при этом добре.
Никудышная сбилась шапчонка...
Эй, простынешь, зима на дворе!

Он глаза бестолковые шурит,
папирску упрятав в кулак.
Для сугреву, наверное, курит,
но согреться не может никак.

Он доволен минутой покоя
и к тычкам притерпелся давно.
Как же с ним сотворилось такое,
что куда ни вези – все равно?

На безлюдной, глухой переправе
не удержит осклизлый помост,
и сомнет мужичка, и раздавит
опрокинутый под гору воз.

И душа его в рай вознесётся
на золотом херувимском крыле...
Может быть, ей хоть там поживётся,
как пожить не пришлось на земле!

От тепла разомлевшая в мякоть,
всё, что хочет, получит она:
ей позволитесь досыта плакать
и позволитесь пить допьяна.

Что ж, душа, ты так мало вкусила?
Что ещё ты желала б вкусить?
Ты б чего-то ещё попросила,
да не знаешь, чего попросить.

НАСЛЕДСТВО

Где бы знатное выбрать родство –
то не нашего рода забота.
Нет наследства. И нет ничего,
кроме старого жёлтого фото.

Только глянешь – на сердце падёт
безутешная тяжесть сиротства:
в наших лицах никто не найдёт
даже самого малого сходства!

Эта древнего стойбища статья,
кочевая бесстрастность во взоре!..
В ваших лицах нельзя прочитать
ни волнения, ни счастья, ни горя.

О чужой, неразгаданный взгляд,
всё с собою своё уносящий!
Так таёжные звери глядят,
на мгновение выйдя из чащи.

И колхозы, и голод, и план —
всё в себя утянули, впитали
эти чёрствы́е руки крестьян,
одинакие тёмные шали.

Что с того, что сама я не раз
в эти лица когда-то глядела,
за подолы цеплялась у вас,
на коленях беспечно сидела!

И как быстро вы в землю ушли,
не прося ни любви, ни награды!
Так с годами до сердца земли
утопают ненужные клады.

Что не жить, что не здравствовать мне
и чужие подхватывать трели!
Как младенец, умерший во сне,
ничего вы сказать не успели.

И отрезала вас немота
бессловесного, дальнего детства.
И живу я с пустого листа,
и свое сочиняю наследство.

* * *

После ливня выдался закат.
Были травы в дождевой пыли.
Тучи, отодвинувшись назад,
дальше горизонта не ушли.

И грядущей с севера ночи
что-то необычное суля,
из-за туч гигантские лучи
веером спускались на поля.

Что, душа, ты замерла с тоской,
словно кто врасплох тебя застиг,
словно мир неразгласимый твой
всей природой явлен в этот миг?

И сама ещё не знаешь ты,
в деревнях окрестных для чего
людям видеть суждено его
перед наступленьем темноты.

* * *

В тихом омуте я живу.
В тихом омуте — тишина.
Человек наклонит траву,
глянет в омут — не видно дна.

Молча сядет на бережок
в запылившихся сапогах
и не моет в воде сапог,
суеверный чувствуя страх.

Он родился и вырос здесь,
и лесной у него закон:
во чужую душу не лезь
и свою храни испокон.

Оттого между мной и им,
словно с неба упавший щит,
лист осиновый, недвижим,
всякий раз на воде лежит.

ПОБЕГ ПОЭТА

Человек тридцати пяти лет,
проживавший похмельно и бедно,
потерялся в райцентре поэт —
просто сгинул бесследно.

А друзья его, сжав кулаки,
всё шумели, доносы кропали —
дескать, парня убили враги,
а потом закопали.

Перерыты все свалки подряд,
перекопан пустырь у вокзала.
А жена собирала отряд
и в леса посылала.

Пить за здравие? За упокой?
Мужики не находят покоя:
эх, талантище был, да какой!
Он ещё б написал не такое!

На поэтов во все времена
не верёвка, так пуля готова.
Завелся — придушит жена,
как Николу Рубцова.

Может, снятся им вещи сны,
может, ангел встает у порога:
«Ты поэт? Убегай от жены!
Убегай, ради бога!»

Так у нас глубоки небеса,
и бездонные реки такие,
а вокруг всё леса и леса –
вологодские, костромские.

И земля не закружится вспять,
И, где надо, лучи просочатся.
Можно долго бежать и бежать,
задыхаясь от счастья.

Посреди необъятной земли
вне известности и без печали
сбросить имя, чтоб век не нашли
и пожить ещё дали!

Он бежал, никого не спросив,
мир о нём никогда не услышит.
Он исчез, и поэтому – жив,
и ещё не такое напишет.

ЦВЕТЫ

В. Е. Ковскому

Ты спишь в суеде новостей городских
прижизненным сном суеты.
А здесь, в стороне от потоков людских,
цветут на газоне цветы.

Здесь осень сомкнула свои купола,
здесь жилы Вселенной легли,
и красная лава к ногам изошла
из самого сердца Земли.

Пылает газон негасимым огнём,
ничто ему ветер и дождь.
И вечная тайна содержится в нём,
которую ты не поймешь.

Как будто, сойдя с иноземных орбит
в единую точку тепла,
неведомый разум безмолвно скорбит
о жизни, что мимо прошла.

Отсюда ты в небо ночное взгляни,
как в чёрный, погибельный ров,
где светятся звёзд бортовые огни
пред самым крушеньем миров.

И может, давно уже небо мертво,
и наша погибель близка,
а ты не успел, не успел ничего
за долгие эти века.

БЕГСТВО В ОРЕНБУРГСКУЮ СТЕПЬ

Приблизится сумрачный срок
садов, облетевших дотла,
и будет лежать вдоль дорог
листва, что навеки легла.

И, стало быть, незачем нам
в узде свою волю держать.
Прозрачно по всем сторонам.
Настала минута бежать.

Оставь свой насиженный кров,
удаче доверься сполна:
меж дальних и ближних лесов
промчатся успей дотемна.

Порви эту тяжкую цепь
деревьев, стоящих стеной,
ворвись в Оренбургскую степь
как в сердце России родной!

Великая мощь пустоты,
мороза хрустальная тишь.
Уральские сдвинув хребты,
всё дальше и дальше летишь.

Так всякий непризнанный сын,
узду намотав на кулак,
ввергался в просторы равнин,
в потоки борьбы и атак.

Бедняк ты иль дерзкий палач,
беглец ты, пустившийся вскачь, –
там древо растёт карагач.

О степь оренбургская, спрячь
меня в своей гордой пустыне!
И всякий здесь не на чужбине.

Гони же, усталый шофёр,
вслепую сквозь ветер и снег!
Ты – мученик, выскочка, вор?
О том не узнают вовек.

И вот Оренбурга огни,
и вот этих крепей тепло.
Гони же, родимый, гони,
однажды и нам повезло.

* * *

Город ночной – постоянный двор
для всех, кто уснул за стенами зданий.
Строго на окнах несут дозор
чуткие фикусы и герани.

Возле дороги и там, и тут,
как на собранье, сойдясь в аллею,
клёны из воздуха влагу пьют,
искры цветов призывно белеют.

Новых просторов себе ища,
высятся травы в дремоте улиц.
Из темноты побегу плещу
целый забор обнять протянулись.

Здесь, не боясь ни шин, ни людей,
словно прообраз ожившего слитка,
переползает бетон площадей,
движется к цели своей улитка.

Смотришь и смотришь с обрыва вниз,
вглубь, где незримо ручей лопочет.
И, подойдя вплотную, навис
космос бездонной дышащей ночи.

Вот оно, жизни живое дно,
мир без центра и без окраин,
мир, где отдыха не дано,
мир – единый всему хозяин.

Здесь виноградная зреет гроздь,
здесь в океан сливаются реки,
здесь человечество спит, как гость,
который завтра уйдёт навеки.

ПОЛЕ У ДЕРЕВНИ МОШАНЫ

В полдень здесь под куполом небес
так бесцельно пролетает ветер,
словно жизни смысл совсем исчез,
незачем и жить на белом свете.

Здесь преграда вечности снята,
нет опоры страсти и гордыне.
Гулкая гуляет пустота
по бескрайней солнечной равнине.

И тебе не следует, нельзя
уповать на помощь или милость,
словно правда нашей жизни вся
в этом месте исподволь скопилась.

Мой товарищ, лёгкий на подъём!
Нам с тобой поклажа не мешает:
мы всё так же за руку идем,
словно кто-то всё за нас решает.

Не затем ли в предвечерней мгле
нам иные открывались были:
словно мы бывали на Земле,
но ничто с собой не захватили.

Сырнева Светлана Анатольевна родилась в 1957 году в деревне Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. Окончила Кировский государственный педагогический институт, работала учительницей русского языка и литературы, корреспондентом, а затем редактором уржумской районной газеты, корреспондентом кировских областных газет, находилась на государственной и муниципальной службе. Автор девяти поэтических сборников, лауреат нескольких всероссийских литературных премий, член редколлегии журнала «Подъём», член правления Союза писателей России. Живет в г. Киров (Россия).

